

В самом сердце бескрайних Гор Десяти Тысяч, в двухстах миллионах ли к северо-востоку от горы Тяньму, затерялось место под названием Озеро Чао и болота Чжэцзэ. Подобно жемчужине, скрытой в глубинах Мира Хунхуан, оно источало особый, таинственный аромат.

Ландшафт здесь был соткан из переплетений топей, влажных лугов и островных лесов, чьи перепады высот создавали причудливое полотно живой природы.

Болота казались непостижимым волшебным краем, круглый год укутанным влажной дымкой. Туман, словно легкая прозрачная вуаль, медленно поднимался над землей, наполняя воздух свежим травяным ароматом, от которого на душе становилось легко и спокойно. Под лаской ветерка покачивались полевые цветы: красные, как пламя, розовые, как утренняя заря, белые, как снег. Каждое из них цвело своей неповторимой красотой, являя миру упорную жажду жизни, словно в этой безмолвной топи проходил невидимый конкурс красоты.

Влажные луга представляли собой иное, величественное зрелище. Камыши и тростник, устремленные ввысь, вторили порывам ветра, и огромные зеленые волны травяного моря беспрерывно накатывали одна на другую. Казалось, эта даль тянется до самого края света, где на горизонте небесная синь сливается с землей, создавая естественную, захватывающую дух линию, заставляющую восхищаться мастерством великого творца.

Среди этого бескрайнего зеленого моря то тут, то там виднелись островки деревьев. Подобно маленьким лесистым архипелагам в бирюзовой пучине, они стояли незыблемо и естественно, добавляя однотонному ландшафту глубины и красок, словно нарисованные на картине тушью.

Суйжэнь стоял неподвижно, устремив взгляд на неоглядные просторы Чжэцзэ. Озера, большие и малые, подобно зеркальным звездам, были вкраплены в земную твердь. Гладкая, как стекло, водная поверхность отражала причудливые облака и пышную зелень деревьев, складываясь в симметричные, завораживающие картины, от которых невозможно было отвести взгляд.

Однако Суйжэнь слишком хорошо знал: за этой поэтичной красотой скрываются смертельные угрозы. Ядовитые испарения, подобно туману, бесшумно блуждали в воздухе. На вид безобидные, они убивали незаметно: стоило лишь вдохнуть немного, и даже существо, обладающее зачатками силы, мгновенно теряло сознание, чувствуя, как меридианы наполняются хаосом, что неизбежно вело к гибели.

Разбросанные повсюду топи напоминали затаившихся древних чудовищ. Они идеально сливались с окружением, не выдавая себя ничем, но стоило неосторожному путнику ступить на них, как он тут же оказывался поглощен бездонной трясиной. И каких бы сил у тебя ни было, финал был один — бесславная гибель тела и духа. Помимо этого, в Чжэцзэ таилось бесчисленное множество иных опасностей — словно тысячи невидимых глаз следили из темноты за каждым, кто осмелился вторгнуться в их владения, ожидая момента, чтобы утянуть незваного гостя в бездну.

Стоя на краю Озера Чао и болот Чжэцзэ, Суйжэнь смотрел на этот прекрасный и опасный край с тревогой и бессилием. Он пробормотал себе под нос:

— Прошло уже почти тысяча триста лет с тех пор, как Раса людей начала свой исход. Этот путь был полон невыносимых страданий. Все эти долгие годы я из последних сил оберегал свой народ, учил их добывать пищу, избегать опасностей, пытался просвещать их, стремясь открыть им истину этого мира.

— Но что в итоге? Люди по-прежнему живут впроголодь, вечно тревожась о куске хлеба. Тела их едва прикрыты обрывками шкур и древесными листьями.

— На всем пути мы несли потери. Смерть каждого соплеменника — словно острое лезвие, вонзающееся мне в сердце. Сейчас нас, людей, осталось меньше ста тысяч.

При этих словах брови Суйжэня сошлись на переносице, образовав узел, который невозможно развязать. Его густые брови, словно подернутые инеем ивовые листья, поникли, выражая бесконечную горечь. В его глазах, глубоких, как темное озеро, застыла безмерная усталость и печаль — словно перед взором одна за другой проносились сцены прошлых неудач, когда все попытки пробудить разум соплеменников разбивались о стену непонимания.

Он продолжал вспоминать, и голос его, низкий и хриплый, с трудом выдавливал каждое слово:

— После горы Тяньму, вот уже пятьсот с лишним лет, я ломал голову, пытаюсь найти способ как можно скорее пробудить разум людей. Я перепробовал всё, лишь бы вдохновить их, помочь поскорее сбросить оковы невежества.

Суйжэнь слегка вскинул голову, глядя в бескрайнее небо, словно взывая к самому Небесному Пути, выражая свое несогласие с судьбой:

— Я пробовал добывать огонь трением, думая: если люди научатся пользоваться им, то перестанут бояться зимней стужи, а ночи станут светлее, и, быть может, в этом поиске они постепенно обретут мудрость. Я пытался строить дома, чтобы у людей было надежное пристанище, чтобы они больше не скитались под открытым небом, и через это учились постигать законы жизни. Я пробовал шить одежду, чтобы всем было тепло, надеясь, что так они поймут, как защититься от внешних невзгод. Я даже пробовал обтачивать камни, создавая орудия труда, в надежде, что инструменты помогут им лучше охотиться и работать, а значит — и развивать разум.

На этом месте Суйжэнь беспомощно покачал головой. Его лицо, прежде полное твердости, теперь подернулось тенью, утратив былую искру. В сердце поселилось отчаяние, словно он оказался в густом темном тумане, не видя пути вперед.

— Увы, — тяжело вздохнул Суйжэнь, — идеалы всегда прекрасны, но реальность порой слишком жестока.

В тишине его вздох прозвучал особенно отчетливо, пропитанный болью и разочарованием. Помолчав, он медленно поднял правую руку, на мгновение замер, словно собираясь с силами, а

затем решительно взмахнул ею вперед. Этот жест был полон непреклонности — словно он объявлял войну неизвестности Чжэцзэ, или же давал обещание самому себе не отступить, как бы ни был труден путь.

Суйжэнь первым шагнул вперед, ведя за собой соплеменников. Они ступали крайне осторожно, пробуя каждый шаг, словно шли по тонкому льду. Суйжэнь внимательно следил за обстановкой, его взгляд, острый как у ястреба, не упускал ни единого уголка, где могла таиться опасность. Он лишь молил небо о том, чтобы благополучно миновать эти болота, а уже после — придумать, как изменить бедственное положение своего народа и найти для него хоть лучик надежды.

— А-а! Спасите!

Внезапный пронзительный крик разорвал тишину болот. За ним последовал целый хор отчаянных воплей. Звуки ужаса и безысходности заполнили пустоту, спугнув стаю птиц, которые с шумным хлопанием крыльев взмыли в небо, лишь добавляя хаоса в эту напряженную сцену.

Болото, словно пасть огромного зверя, поглощало людей. Кто-то делал лишь несколько шагов, как земля под ногами становилась предательски мягкой, и человек мгновенно уходил вниз. Грязь быстро скрывала голени, бедра... Люди в панике барахтались, размахивая руками в попытке за что-то ухватиться, и продолжали взывать о помощи.

Другие случайно натыкались на ядовитые испарения: в мгновение ока их лица синели, дыхание перехватывало, они хватались за горло, задыхаясь в мучительном кашле, и, шатаясь, падали, глядя на мир глазами, полными предсмертного ужаса.

Среди этого хаоса Суйжэнь метался по колонне переселенцев. Видя, как соплеменник проваливается в трясину, он бросался на помощь, изо всех сил вцепляясь в его руки и пытаясь вытянуть из пучины. На лбу вздувались вены, крупные капли пота градом катились по лицу, но хватка болота была слишком сильна — каждое спасение стоило ему огромных усилий.

Если же кто-то надышался ядом, он спешно доставал из-за пазухи заготовленные травы, вливал их в рот пострадавшему и направлял духовную силу, помогая вывести токсины, и в его взгляде читалась лишь безмерная тревога и забота.

Однако опасности нападали одна за другой. Несмотря на то что Суйжэнь выкладывался без остатка, число погибших продолжало расти. Картина этой бойни сжимала его сердце невидимой когтистой лапой, отчего становилось трудно дышать. Но он даже не помышлял о том, чтобы сдаться, продолжая метаться среди людей, ведя неравную борьбу с безжалостной топью.

Солнце медленно клонилось к закату, окрашивая Озеро Чао и болота Чжэцзэ в кроваво-оранжевый цвет. Казалось, на это таинственное и опасное место набросили великолепную, но печальную накидку. Суйжэнь, измученный до предела, поднял голову и с надеждой посмотрел

на островки деревьев впереди. В лучах заходящего солнца они выглядели как призрачные огни, словно маяки, указывающие путь посреди кишашей опасностями топи.

Собрав последние силы, Суйжэнь повел людей к островам. Ночные болота напоминали спящего в темноте зверя, полного угроз и неведомого — малейшая оплошность могла привести к гибели. Островные леса стали для людей временным убежищем, своего рода гаванью, где можно было переждать бурю в эту долгую темную ночь.

Когда забрезжил рассвет, легкий свет, подобно тонкой вуали, нежно опустился на Чжэцзэ, придав таинственному краю призрачную красоту. Казалось, сама природа своей волшебной кистью укрыла опасные болота сказочным полотном. Суйжэнь поднялся рано: сердце его болело за соплеменников. Расправив плечи, он стремительно взмыл в воздух. Его движения были легкими и уверенными, словно у парящего в вышине орла, когда он перелетал с одного острова на другой. Взгляд его лихорадочно сканировал пространство внизу, не упуская ни единого уголка, постоянно проверяя, как там его люди. Лишь убедившись, что все в безопасности, он мог хоть на миг сбросить груз со своего сердца.

В этот момент взгляд Суйжэня привлек мужчина, стоявший под деревом. Он был статен, словно могучая сосна, и источал дух несгибаемой воли. Его тело было крепким, с плавными и мощными линиями мышц, в которых под утренними лучами чувствовалась природная сила — первобытная и чистая жажда жизни.

Сейчас он задрал голову и, не отрываясь, наблюдал за тем, как птица вьет гнездо. Его сосредоточенность была такова, что, казалось, весь мир перестал существовать, оставив лишь это маленькое чудо природы. В его глазах, чистых и горящих, как у ребенка, впервые увидевшего невиданную игрушку, светилось искреннее любопытство. Он был полностью поглощен сценой зарождения новой жизни, не в силах оторваться от увиденного.

На соседней ветке уже виднелось готовое гнездо, сплетенное с таким изяществом и тщательностью, что было ясно: птица вложила в него немало сил. Внутри тихо лежали несколько яиц, похожих на драгоценные камни, излучающие мягкое сияние жизни. Несколько птенцов издавали тонкий писк, и в тишине раннего утра их голоса звучали особенно чисто и звонко, словно гимн самой жизни, наполняя этот маленький дом энергией и радостью бытия.

<http://bllate.org/book/18513/1779535>